

УДК 316.62; 316.613.434

ВАЛЕРИЙ ПИЛИПЕНКО,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, Киев

ЕЛЕНА ВОЛЯНСКАЯ,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, Харьков

ЕЛЕНА САПЕЛКИНА,

кандидат философских наук, доцент кафедры методологии и методов социологических исследований Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев

Агрессия как социальное действие: теоретико-социологический анализ

Аннотация

В статье анализируется феномен агрессии в контексте модели социального действия. Рассматриваются вопросы культурной детерминации агрессии. При этом авторы видят агрессию как продукт социокультурной ситуации. Агрессия рассматривается и в формате норм и ценностей социальной системы.

Ключевые слова: *агрессия, социальное действие, культура, детерминация, ценности, социальная система*

Чрезвычайно высокая концентрация проявлений агрессии в обществе и отсутствие однозначного и адекватного научного определения этого сложного феномена делают его исследование одной из наиболее актуальных про-

блем современного мира, важной теоретической и практической задачей. Хотя агрессия существовала во все времена, научный интерес к ее анализу возник сравнительно недавно, в преддверии Второй мировой войны. В настоящее время агрессия изучается целым рядом дисциплин: философией, биологией, этологией, социологией, педагогикой, психиатрией, конфликтологией и др.

В представлении специалистов существует агрессивность в психологическом, биологическом понимании, агрессивность как социальный феномен и, наконец, глобальная агрессивность, которая проявляется в войне. В рамках предлагаемого социологического подхода агрессия рассматривается как один из видов социального поведения. По М.Веберу, специфичность социального поведения — и в этом отличие человека от животных — состоит в наличии в нем субъективно подразумеваемого смысла. Однако наряду с понятием субъективного смысла [Вебер, 1990] агрессии предметом социологического анализа является в нашем контексте все многообразие идей, мнений, убеждений, представлений, образов мира, составляющих в совокупности то, что можно назвать репрезентативной культурой агрессии. Именно то, что содержится в репрезентативной культуре (образцы поведения, ценности, верования, нормы), составляет содержание человеческой мотивации, то есть подразумеваемого смысла агрессивного действия [Ионин, 1996: с. 78–79].

Таким образом, определение агрессии в рамках социологического подхода не может опираться только на результат действий. Оно должно учитывать намерения (мотивы) человека, совершающего данный поступок, а также социальный и культурный контекст данного поведения. Другими словами, агрессия в рамках социологического подхода рассматривается как некое социальное действие, то есть осознанное (мотивированное) причинение вреда другому человеку или группе людей. В качестве вреда или ущерба рассматривается не только непосредственное физическое или психологическое воздействие на человека (группу людей), но и любое сознательное деструктивное действие в отношении неживого объекта, от состояния которого зависит физическое или психологическое благополучие человека. Исходя из этого, особенностью социологического подхода к анализу феномена агрессии является изучение зависимости между репрезентативной культурой общества и человеческой мотивацией, лежащей в основе субъективно предполагаемого смысла агрессивного действия.

В мотивации, по М.Веберу, не может быть того, что отсутствует в культуре. Соответственно, то, чего нет в культуре, не может стать предметом социологического исследования. В этой связи задачей предлагаемого в данной работе методологического подхода является достижение логической связанности накопленного знания, благодаря интеграции различных научных представлений о детерминантах агрессии (социальных, культурных, биологических, личностных) в общую теоретическую схему. Выбор авторами модели социального действия Т.Парсонса в качестве основы для построения комплексного подхода к изучению агрессии позволяет, во-первых, рассматривать агрессию в контексте устойчивой функциональной зависимости различных факторов в рамках общей системы действия, во-вторых, учитывать мотивационный аспект действия, в-третьих, судить об изменениях в

рамках подсистем и общей системы действия, постоянно находящихся в процессе приспособления друг к другу.

В предлагаемой нами модели агрессия как действие представляет собой некоторый процесс в системе “субъект действия — ситуация”, имеющий мотивационное значение для индивида или — в случае коллектива — для составляющих его индивидов. Результатом данного процесса является причинение морального или физического вреда другому человеку или группе людей. Это значит, что ориентация соответствующих процессов действия связана с достижением удовлетворения или с уклонением от неприятностей со стороны соответствующего субъекта действия. Организация элементов действия прежде всего является функцией отношения действующего лица к ситуации, а также истории этого отношения, в этом смысле — опыта [Парсонс, 1996: с. 463].

Действующее лицо (*actor*) — человек, наделенный стремлением действовать, имеющий определенные цели и способный описать способы их достижения, рассматривается с точки зрения его мотивации и проявления агрессии. Для того, чтобы описать агрессию в модели сознательного действия, необходимо дать характеристику субъекта агрессии с учетом мотивов, лежащих в основе его агрессивных проявлений. При этом следует иметь в виду, что действие индивида осуществляется в контексте определенной ситуации, которую составляют изменяемые и неизменяемые факторы ситуационного окружения. Именно на последнее ориентировано действие и от него оно зависит. Анализ мотивов субъекта агрессии предполагает разработку типологии видов агрессивного поведения на основе концепции М.Вебера, предложившего различать четыре основных идеальных типа социального действия: традиционное, аффективное, целерациональное, ценностно-рациональное.

Первые два типа не являются социальными в полном смысле этого слова, поскольку не являются до конца осознанными. Благодаря этому вычлениению двух типов социального действия из поля изучения социологии, достаточно четко разграничиваются междисциплинарные зоны при анализе агрессии. Таким образом, агрессия как следствие аффектов и чувств (аффективное действие), а также привычки (традиционные действия) в наибольшей мере является предметом изучения социологии. В связи с этим в рамках данной статьи больше внимания уделяется изучению целерационального и ценностно-рационального видов агрессивного поведения.

Традиционное действие связано с привычкой реагировать агрессивно, фактически доведенной до автоматизма и не осознаваемой в полной мере субъектом действия, то есть представляет собой пограничный случай между “мысленно” ориентированным и чисто реактивным действием. Как реактивное оно не является социальным действием. Как осмысленное оно тяготеет к ценностно-рациональному типу [Громов, Мацкевич, Семенов, 1997: с. 106].

То же пограничное положение занимает и аффективное действие. Оно может быть просто эмоциональной реакцией на раздражение, к примеру, когда человек интуитивно отталкивает “налетевшего” на него пешехода. К данному виду социального действия относится выделенная Дж.Фешбахом экспрессивная агрессия, которая представляет собой произвольный взрыв гнева и ярости, нецеленаправленный и быстро прекращающийся. В этом случае источник нарушения спокойствия не обязательно подвергается

нападению, о чем свидетельствуют, к примеру, приступы упрямства у маленьких детей.

Л. Берковиц в том случае, когда действие не подконтрольно субъекту и протекает по типу аффекта, предпочитал говорить об импульсивной агрессии. Если же действие, обусловленное аффектом, находит выражение в сознательной эмоциональной разрядке (бранные слова в адрес “налетевшего” пешехода, попытка наказать его какой-либо угрозой), то следует говорить о сублимации. Подобное действие относится к культурно мотивируемым действиям и близко к целерациональному и ценностно-рациональному видам агрессивного поведения [Волянская, Пилипенко, Сапелкина, 2004: с. 62–63].

В основе целерационального действия лежат ожидание определенного поведения от “других” и использование этого ожидания в качестве условия для достижения цели (“удовлетворения ‘потребностей’”). Целерациональная агрессия в значительной степени совпадает с определением инструментальной агрессии, которое дает Э. Фромм, поскольку в данном случае агрессивное поведение функционально обусловлено, главным образом, экзистенциальной потребностью личности (группы, социальной системы) в безопасности. Здесь имеется в виду потребность не только в физической защищенности, но и в безопасности внутренних духовных ценностей.

Критически переосмысливая многие Фрейдовы идеи, Фромм пытается рассмотреть философско-этическую проблематику, связанную с пониманием смысловых и ценностных аспектов человеческого бытия. Не признавая правомерности проведения демаркационной линии между “природной” и “духовной” сферами человека (как это имеет место у Фрейда), он считает необходимым обратиться к традиции гуманистических этиков прошлого, которые рассматривали человека в его целостности и открывали источники норм для этического поведения в природе самого человеческого существа. Поэтому целью Фроммова “гуманистического” психоанализа является способствование саморазвертыванию внутренних потенций человека в направлении жизненности и продуктивности. Это, в свою очередь, предполагает усвоение ценностей гуманистической этики, познание собственной внутренней природы и овладение “искусством жизни” [Лейбин, 1990: с. 384–385].

Мы выделяем три мотивационные ориентации инструментальной агрессии. Первая, катектическая ориентация (относительно улучшения баланса удовлетворения/неудовлетворения) исходит из потребностей организма. С точки зрения теории действия, конкретную организацию мотивации нельзя анализировать лишь в терминах потребностей организма [Парсонс, 1996: с. 466]. Организация элементов действия прежде всего является функцией отношения действующего лица к ситуации, а также истории этого отношения, то есть опыта. Поэтому вторым аспектом является когнитивный аспект. В рамках когнитивно-бихевиористской концепции агрессию рассматривают как результат специфического социального научения. При этом считается, что основания развития и закрепления следует искать, в первую очередь, в процессе первичной социализации. Третьим аспектом мотивации является оценочный аспект, поскольку в системе координат действия действующее лицо сталкивается с альтернативами действия, вероятными реакциями “другого” на возможные действия “Я”. Поэтому выбор агрессии в качестве способа достижения цели опирается на оценку ситуации с точки зрения самооффертивности и ожидания последствий от реак-

ции. Так, человек, выбирая физическую агрессию в качестве реакции возмездия, вначале обычно реально оценивает свои силы.

Все три аспекта мотивационной ориентации связаны между собой. Однако кроме катектических интересов, когнитивного определения ситуации и оценочного отбора в ожидание входит временной аспект ориентации относительно будущего развития системы “действующее лицо — ситуация” и памяти о прошлых действиях.

Сущность ценностно-рациональной агрессии состоит в ценности агрессивного поведения самого по себе, что в некоторой степени совпадает с определением враждебной агрессии, выделенной Э.Фроммом. По Т.Парсонсу, ценностная ориентация касается не значения предполагаемого состояния дел для действующего лица с точки зрения баланса удовлетворения — неудовлетворения, а содержания самих стандартов выбора. И в этом смысле ценностная ориентация является логическим средством выражения культурной традиции в системе действий. Из определения нормативной ориентации и роли ценностей в действии следует, что все ценности включают то, что может быть названо социальным значением. Поскольку ценности являются скорее культурными, а не личностными характеристиками, постольку могут быть общепринятыми, а их своеобразие состоит в специфических отклонениях от общей традиции [Парсонс, 1996: с. 469].

Все ценностные стандарты имеют оценочный характер, но все же в своем первичном значении стандарты могут быть связаны с когнитивным определением ситуации, с катектическим “выражением” или с интеграцией системы или ее частей. Поэтому мы разделяем ценностную ориентацию на три вида стандартов: когнитивные, оценочные и моральные. Это позволяет говорить о том, что ценностно-рациональная агрессия детерминирована, во-первых, особенностями когнитивной “обработки” социальных признаков ситуации, во-вторых, усвоенными в процессе социализации характерными чертами объектов агрессии (полом, расой, национальностью и т.д.), оценка которых вызывает устойчивую ассоциацию с образом “врага”, в-третьих, устоявшимися моральными принципами (религиозными, национально-этическими и др.), которые диктуют “правильность” определенного поведения, в данном случае агрессивного. Ценностно-рациональная агрессия связана с феноменом относительной депривации, зависти, мести.

Говоря о когнитивном аспекте ценностно-рациональной агрессии, следует вспомнить о теориях Л.Берковица, К.Доджа, Л.Хьюсмана, в которых агрессия во взаимоотношениях с окружающими рассматривается как способ когнитивной обработки социальных признаков ситуации. К примеру, для агрессивных подростков “посылами к агрессии” становятся ассоциирующиеся с этим типом поведения реплики окружающих, насмешки, сломанные предметы, отказ. В этом отношении агрессивное поведение является следствием недоразвития социально-когнитивных навыков [Волянская, Пилипенко, Сапелкина, 2004: с. 65].

Оценочные стандарты — это стандарты, связанные с правильностью и уместностью ориентации в связи с выбором объекта или установки относительно него. К ним можно отнести агрессивные действия, вызванные оценкой тех или иных характеристик объекта агрессии. Самыми распространенными примерами данного вида агрессии являются случаи, когда агрессивные намерения нападающего обусловлены такими характеристиками по-

тенциальной жертвы, как пол, раса, национальность. Другими словами, характеристики объекта агрессии сводятся к принадлежности индивида к отряду “врагов”, “соперников”, “чужих”, “других” и т.д.

Моральные стандарты ценностной ориентации имеют большое социальное содержание. С точки зрения любого действующего лица, определение типов взаимных прав и обязанностей, а также стандартов, обуславливающих его взаимодействие с другими, является решающим аспектом общей ориентации этого действующего лица в ситуации. Благодаря этому специфическому отношению к социальной системе, моральные стандарты становятся таким аспектом ценностной ориентации, который, с точки зрения социологии, приобретает величайшую важность. К этому типу ценностно-рациональной агрессии относятся случаи, когда индивид сознательно (независимо от успеха) придерживается агрессивной формы поведения, которая может являться для него ценной в силу культурных, морально-этических, нормативных или религиозных установок. Примером подобного типа мотивации служит феномен мести в культурах, где в силу неписаного закона существует обычай кровной мести, который зачастую является единственно эффективным способом произвести впечатление.

Однако нельзя утверждать, что отношение к агрессии как к ценности (желательной форме социального поведения) будет прямо связано с открытым проявлением агрессии. Для осуществления подобного взаимодействия ценности и стандарты должны быть очевидными для действующих лиц. В связи с этим важно проанализировать природу рассмотренных мотивов агрессии в контексте ситуационного окружения, которое представляет собой совокупность изменяемых и неизменяемых факторов среды, выступающих объектами ориентации для действующего индивида.

В теории Т.Парсонса все эти факторы системного окружения развиваются для выполнения четырех функциональных условий, соблюдение которых способствует выживанию системы как таковой: адаптации (система организма), целеполагания (личность), интеграции (социальная система), поддержания образа (культурная система). В контексте изучаемой проблематики наиболее ценным моментом в теории Т.Парсонса представляется концепция кибернетической иерархии и информационного обмена взаимодействующих систем и подсистем действия, которая позволяет интерпретировать изменения и конфликты внутри общей модели действия в понятиях эволюционного приспособления различных подсистем по отношению друг к другу, исходным пунктом которого является изменение в ценностно-нормативной сфере [Парсонс, 1996].

Поскольку теория Т.Парсонса — это теория коммуникации значений (ценностей, норм и т.д.), выраженных в форме символов, отношения между системами и подсистемами и внутри них рассматриваются, поэтому, как обмен информацией — совокупностью символов, вызывающих структурные изменения в принимающей и передающей системах. Посредством обмена символической информацией система, с одной стороны, поддерживает интеграцию, а с другой — утверждает собственную независимость, поддерживает границы. Любая система контролируется такой подсистемой, которая обладает большим информационным потенциалом и потребляет наименьшее количество энергии. Чем ниже энергетическое потребление системы и выше ее информационный потенциал, тем более высокое место она будет зани-

мать в системной иерархии и тем большее влияние она будет оказывать на поведение других подсистем.

Среди систем действия наибольшим энергетическим потенциалом, по Т.Парсонсу, обладает система биологического организма, являющаяся соединительным звеном между материальным и идеальным мирами — нормами, ценностями, значениями, определяющими мир действия. В этой связи биологические детерминанты агрессивного поведения обусловлены стремлением системы сохранить свою целостность, что проявляется в заложенных на генетическом уровне механизмах реагирования, к примеру, на боль, тревожные ожидания и т.д. Однако агрессия не возникает в социальном вакууме, о чем говорит и автор эволюционной теории агрессии К.Лоренц. Поэтому актуализация этих механизмов связана с социальным взаимодействием, и агрессивность является чертой скорее личности, нежели биологического организма.

Следующим звеном кибернетической иерархии является система личности, которая формируется в процессе социализации индивида, направленном на интернализацию ценностей и норм. Личность представляет собой систему, взаимодействующую с некоторой ситуацией. Поэтому агрессия на уровне системы личности, с одной стороны, связана с потребностями и особенностями организма (и в данном случае мы говорим о целерациональном и аффективном действии), но, с другой стороны, обусловлена социокультурными факторами, детерминирующими ценностно-рациональный и традиционный виды агрессии.

Выделение третьего фактора, оказывающего влияние на действие, — социальной системы — связано с тем, что к ситуационному окружению индивида относятся другие индивиды. Социальная система представляет собой совокупность ролевых статусов, управляемую нормами, определяющими какие действия предпочтительны. Она выполняет функции интеграции и является ядром “единичного акта”. В то же время остальные подсистемы действия выступают в качестве ее первичного окружения, структурно дифференцированного относительно наиболее важных отношений “система действия — среда”.

Высшее место в иерархии системы действия занимает культурная система. Культурными объектами являются символические элементы культурной традиции, идеи или убеждения, экспрессивные символы или ценностные стандарты в той степени, в какой они рассматриваются как объекты ситуации со стороны “Я”, а не “интериоризованы” как элементы, вошедшие в структуру его личности. Исходя из этого, данная система обладает наивысшим организационным потенциалом, то есть оказывает наибольшее контролирующее воздействие на другие системы действия, а значит, и регулируемые формы проявления целерациональной агрессии. При этом данная система моделирует оценочные, моральные и когнитивные стандарты ценностно-рациональной агрессии. Культура выполняет функцию “поддержания образца”, конкретизируя идеи и нормы социальной системы и включая их в систему личности. Принимая во внимание, что ценности являются первичными при поддержании образца функционирования социальной системы, мы рассматриваем их как главный связующий элемент социальной и культурной систем, как элемент социокультурный.

Анализу социокультурной проблематики большое внимание уделялось в рамках психоаналитической традиции. З.Фрейд исходил из противопоставления индивида культуре, личности — обществу. С психоаналитической точки зрения, культура всецело покоится на результатах вытеснения бессознательных влечений человека. Она выступает в форме определенных влечений и запретов, налагающихся на индивида и сдерживающих проявление естественных желаний и страстей последнего. Цель культуры — внешнее или внутреннее (через сверх-Я) подавление “первичных” влечений сексуального характера. В психоаналитической философии культура выступает чужеродным образованием, противостоящим человеку и обуславливающим возникновение конфликтных ситуаций. Именно культура с ее непомерными требованиями обуздания сексуальных влечений является источником психических расстройств [Лейбин, 1990: с. 182–183].

Другой аспект психоаналитического понимания культуры состоит в том, что требования культуры, рассматриваемые Фрейдом с точки зрения возникновения неврозов, одновременно трактуются им как источник позитивных результатов человеческой деятельности. Те же сексуальные влечения участвуют в создании высших духовных ценностей художественного и эстетического порядка. То есть фрейдовская трактовка характеризуется некой двойственностью. С одной стороны, культура воспринимается Фрейдом в качестве средства подавления “человеческой природы”. С другой — она рассматривается как стимул для творческого самовыражения человека. Такую двойственную функцию культуры можно было бы объяснить многозначностью фрейдовского понятия бессознательного с его акцентом на сексуальных влечениях человека. Но данное объяснение является формальным, не раскрывающим содержательные характеристики психоаналитического понимания взаимодействия индивида и культуры. Двойственная трактовка культуры ведет как бы к порочному кругу, подмеченному уже ближайшими коллегами Фрейда (подробнее см.: [Лейбин, 1990: с. 183–184]).

Основатель психоанализа исходил из того, что отношения между людьми характеризуются враждебностью как друг к другу, так и к культуре в целом. И такое положение расценивается им как общезначимое, свидетельствующее о несовершенстве форм культуры, свойственном человеческой цивилизации. Фрейд допускал, что в будущем новые поколения людей смогут иначе относиться к культуре, воспринимая ее как некое благо. Вместе с тем он выражал сомнение, что та или иная культурная среда так изменит “природу человека”, что индивид не будет проявлять свойственной ему агрессивности.

Таким образом, агрессия имеет двойную природу. Целерациональная агрессия обусловлена функциональными потребностями и интересами, а ценностно-рациональная агрессия связана с культурной традицией или специфическими отклонениями от нее.

Культурная система является важнейшим фактором ситуационного окружения. Т.Парсонс понимает ее как символически организованные образцы, основанные на способности человека говорить и передавать опыт генетическим путем. Т.Парсонс выделяет три основных момента в определении культуры. Во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию. Во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека. В-третьих, она яв-

ляется общепринятой. Следовательно, культура, с одной стороны, является продуктом, а с другой — детерминантом систем человеческого социального взаимодействия [Парсонс, 1996].

Нам представляется важным обратить внимание на отдельные составляющие современной культуры, позволяющие говорить о ней как о “культуре агрессии”, и, одновременно с этим, имеет смысл рассматривать культуру как субъекта агрессии, то есть “агрессию культуры”. В данном случае не будем акцентировать внимание на этической стороне проблемы, а лишь попытаемся выяснить некие особенности и закономерности культурной детерминации агрессии.

Итак, в первом случае агрессия культуры может быть определена как стремление культуры к приведению каждого конкретного ее носителя к единому стандарту любыми методами (включая насильственные). Этими стандартами являются в том числе и стандарты проявления аффектов и агрессии. Таким образом, в данном случае культура выступает скорее в качестве регулятора, сдерживающего и стандартизирующего агрессивное поведение индивидов.

Индивид, в той или иной мере стремящийся выйти за рамки принятого культурой стандарта, так или иначе сталкивается с социальным неодобрением. Данная тенденция прослеживается на протяжении всей истории человечества. Можно сказать, что культура агрессивна по отношению к любому элементу, не сводимому к ее общему стандарту. Причем агрессия эта может быть реализована различными способами. Это свойство культуры, вероятнее всего, проистекает из ее стремления к сохранению внутренней целостности и неограниченному расширению собственных границ.

Символические организованные культурные образцы, по Т.Парсонсу (как и все другие компоненты живых систем), возникают благодаря эволюции. В качестве примера возникновения культурных стандартов проявления агрессии можно рассматривать эволюционную ситуацию ранних гоминид. Обстоятельства их существования сложились таким образом, что только развитие инструментального интеллекта давало им шанс на выживание. Но начав производить орудия, они нарушили то, что К.Лоренц называл равновесием силы и “естественной морали”. Искусственные средства нападения быстро превзошли по эффективности как телесные средства защиты, так и инстинктивные механизмы торможения. Чрезвычайно развившийся психический аппарат, освобождаясь от природных ограничений, таил в себе новую опасность, но вместе с тем и резервы для совершенствования сохраняющих механизмов [Волянская, Пилипенко, Сапелкина, 2004: с. 77–78].

Выработать такие механизмы удалось не сразу. И все же отдельные стада гоминид сумели выжить, выработав искусственные (надынстинктивные) инструменты коллективной регуляции. Так, последствием самого первого в человеческой предыстории экзистенциального кризиса стало образование исходных форм протокультуры и протоморали.

Агрессия была переориентирована на внешний мир — на “чужие” стада, представители которых воспринимались как особи иного вида. Дихотомическая ментальная схема, по мнению Б.Поршнева, стала первым социально-психологическим феноменом и регуляторной основой первобытного стада. Общая ненависть к “чужакам” обеспечила активную внутростадную солидарность. Наступает момент, когда на место исходного психологичес-

кого явления ставят не “я” и “ты”, а “мы” и “они” (или “они” и “мы”), на место отношений двух личностей — отношения двух общностей. То есть если рассматривать вопрос именно в субъективной, психологической плоскости, то “они” возникли раньше, нежели “мы”. Материалы не только из истории первобытного общества, но и из истории разных эпох свидетельствуют, что сознание “мы” может быть слабо выражено (или вовсе отсутствовать) при ясно выраженном сознании, что есть “они”. “Они” — это не “мы”, и наоборот: “мы” это не “они”. Только ощущение наличия “они” рождает желание самоопределиваться по отношению к “ним”, обособиться от них в качестве “мы” [Поршнев, 1979: с. 81].

“Они” на первых порах конкретнее и реальнее несут в себе те или иные свойства — бедствия от вторжения “их” орд, непонимание “ими” “человеческой” речи (“немые”, “немцы”). И для того, чтобы представить, что есть “они”, нет необходимости персонифицировать “их” в образе какого-либо вождя, главенствующей группы лиц или организации. “Они” могут представляться как весьма разнообразные, то есть не как общность в точном смысле слова. В первобытном обществе “мы” — это всегда “люди” в прямом смысле слова, то есть люди вообще, в то время как “они” — не совсем люди. Самоназвание множества племен и народов переводится как просто “люди”. Но чем дальше история уходила от первобытности, тем чаще “мы” перемещалось на первый план. Многообразные общества психологически ощущаются по противопоставлению не каким-либо конкретным “мы”, а просто всем, которые есть не “мы” [Поршнев, 1979: с. 81–82].

Со временем “мы” стало универсальной психологической формой самосознания всякой общности людей. Однако “мы” всегда подразумевает противопоставление каким-либо (то определенным, то неопределенным) “они”. И прошли тысячелетия, прежде чем пробудилась мысль, что “мы” может совпадать со всем человечеством и, следовательно, не противостоять некому “мы” [Поршнев, 1979: с. 84].

Во внутренне сплоченных стадах под коллективной опекой ослабевало давление “классического” биологического отбора. Шанс выжить и оставить потомство получали особи с менее развитой мускулатурой, менее агрессивные, но с более развитой нервной организацией. Они оказались способными к действиям, обычно не дающим индивидуальных адаптивных преимуществ: сложным операциям, связанным с производством орудий, поддержанием огня, лечением соплеменников, передачей информации, а также к нестандартному поведению. При “классическом” отборе такие умельцы были бы обречены на гибель или, во всяком случае, попав под жесткую систему доминирования и имея очень низкий ранг в иерархии, не оставляли бы потомства.

Таким образом, в процессе эволюции социальных видов идет постоянный контроль над уровнем внутригрупповой агрессии. Конфликты не могут достигать такого размаха, когда под угрозу ставится сплоченность группы. По этой причине на протяжении всей эволюции человека вырабатываются механизмы, препятствующие внутригрупповым конфликтам. Практически первобытная палеолитическая мораль могла быть обеспечена только механизмом перенесения агрессии вовне.

По К.Лоренцу, в человеческом обществе механизмом сдерживания агрессии и формирования связей между особями одного и того же вида становится ритуализация агрессии. Причем она присутствует в двух формах —

филогенетической (то есть является продуктом эволюции) и культурной (как итог развития культуры). Культурная ритуализация как филогенетический феномен несет в себе тройную функцию: запрещает борьбу членам своей группы, поддерживает групповое единство и ограничивает членов данного сообщества от предствителей других групп. Ритуализированная агрессия внутри вида (общности, группы, “наших”) позволяет разрядить внутригрупповую напряженность. Примером культурной ритуализации может быть символическое нанесение повреждений обидчику (родственникам обидчика) в процессе танца. Это можно наблюдать у аборигенов Австралии, в песенных дуэлях эскимосов Аляски. Культура придает ритуалам агрессии и примирения фундаментально новые свойства, делая их глубоко символическими и осмысленными [Бутовская, 1999: с. 129–135].

Содержательные рамки отношений “они — мы” в истории человечества меняются. Они носят национальный, религиозный, классовый характер. В понятие “они” включается все чужое, враждебное — все то, что посягает на “личностное” пространство и вызывает чувство тревожности и неопределенности. О культурной ритуализации агрессивности или, скорее, о трансформации культурных форм проявления агрессивности говорит в своей работе “О процессе цивилизации” и Норберт Элиас [Элиас, 2001]. По мнению автора, стандарт агрессивности и по своим оттенкам, и по силе доньше не одинаков у разных наций Запада. Но эти кажущиеся столь значительными различия стираются и выглядят незначительными, если сравнивать агрессивность “цивилизованных” народов с агрессивией в обществах, находящихся на более низких ступенях развития.

В сопоставлении с боевой яростью абиссинского воина или с темпераментом различных племен эпохи великого переселения народов агрессивность даже самых воинственных наций цивилизованного мира кажется смягченной. Подобно всем прочим влечениям, даже в военных действиях она приобретает более умеренные формы благодаря процессу разделения функций, а также усилившемуся взаимодействию между индивидами, росту их зависимости друг от друга и от технического аппарата. Агрессивность ограничивается и вводится в определенные рамки посредством множества правил и запретов, превратившихся в формы самопринуждения. Агрессивность так “утончается” и “цивилизуется”, что лишь в сновидениях или в отдельных случаях (которые принято относить к болезненным) мы еще можем столкнуться с определенными проявлениями непосредственной и нерегулируемой силы данного влечения.

Снятие аффективной напряженности с помощью борьбы было в средние века, вероятно, уже не столь непосредственным, как в более раннюю эпоху великого переселения народов. Агрессивность носила достаточно открытый и необузданный характер в сравнении со стандартом нового времени, когда жестокость и чувство наслаждения от разрушения или от истязания людей, равно как и доказательство своего телесного превосходства над другими, были поставлены под жесткий контроль, прежде всего с помощью государства. Все подобного рода “наслаждения” ограничиваются с помощью угрозы страдания, и теперь они могут заявлять о себе только косвенно, в “утонченном” или “рафинированном” виде. Только во времена социальных переломов (либо в колониях, где социальный контроль меньше) мы

сталкиваемся с непосредственными прорывами агрессивности, в меньшей степени сопровождаемыми чувствами стыда и неловкости.

В средневековом обществе сама жизнь побуждала людей к развитию в совершенно ином направлении. Грабеж, война, охота на людей и зверей — все это прямо относилось к жизненным нуждам, очевидным образом соответствовавшим строению этого общества, а среди могущественных и сильных — даже к повседневным радостям жизни. Конечно, рыцари считали себя христианами, и вся их жизнь определялась представлениями и ритуалами, свойственными христианской традиции. Но тем не менее это не мешало им пользоваться благами жизни и не препятствовало убийствам и грабёжам, что было связано с их общественной функцией, с особенностями ихсловия, которыми они гордились. Не бояться смерти было для рыцаря жизненной необходимостью. Его предназначением была война. Строение общества и противоречия предопределили то, что становилось неизбежным законом для индивида. Разбой, драка, грабеж, распри между семьями, вендетта играли в жизни горожан не меньшую роль, чем у воинской касты.

Однако, по мнению Н.Элиаса, это вовсе не означает, что люди того времени постоянно пребывали в мрачном воинственном состоянии. Напротив, они веселились, шутили, насмехались друг над другом — слово за слово, и шутка вела к распре. Крайняя набожность, страх перед преисподней, чувства вины и раскаяния, взрывы веселья и радости неожиданно переходили в страсти, которые сейчас кажутся противоположными, — в неукротимую ярость, в ненависть и агрессию. Относительно быстрый переход от одного настроения к другому является симптомом определенной организации эмоциональной жизни. Влечения и эмоции были менее сдержанными, более непосредственными, неприкрытыми, нежели в последующие эпохи. Современному человеку, с его относительно сдержанными страстями, умеренными и расчетливыми чувствами свойственны равносильные набожность и агрессивность, покаяние и жестокость. Но даже в этих временных и пространственных рамках, где в цивилизованном обществе сохраняется агрессивность (прежде всего во время войны), она приобретает безличный характер.

Агрессия все меньше служит источником аффективной разрядки, характеризующейся той непосредственностью и той силой, что были свойственны Средневековью. Контроль над аффектами, сформированный повседневной жизнью цивилизованного общества и предписанная этим обществом мера сдерживания и трансформации агрессии не отменяются даже в этих анклавах. В любом случае агрессия освободилась бы от этого контроля быстрее, если бы прямая физическая борьба против ненавистного врага не превратилась в механизированную войну, требующую строгого контроля над аффектами. Даже во время войны цивилизованных стран нашего мира индивид более не может давать волю своим эмоциям, наслаждаясь видом поверженного врага. Он должен, независимо от своего настроения, по переданным ему приказам невидимого командира вести бой с зачастую невидимым врагом. Требуются, по словам Н.Элиаса, сильные социальные волнения и бедствия и, прежде всего, требуется сознательно ведущаяся пропаганда для того, чтобы значительные массы людей вернулись к вытесненным из цивилизованной повседневности и социально осуждаемым влечениям, к радости, получаемой от убийства и разрушения, и для того, чтобы эти влечения стали легитимными.

Конечно, данные аффекты становятся легитимными и занимают четко очерченное место в повседневной жизни цивилизованного общества, получив “утонченную”, рационализированную форму. Наслаждение от борьбы и агрессии, например, находит свое выражение в спорте. Это касается прежде всего “зрителей”, тех, кто наблюдает, к примеру, боксерский поединок и мысленно идентифицирует себя с теми немногими, кому дана возможность непосредственно снимать аффективное напряжение в четко установленных границах и по строгим правилам. Такое изживание аффектов при созерцании или даже при слушании радио является наиболее характерной чертой цивилизованного общества. Это оказывает влияние на развитие книгоиздания и театрального искусства, имеет огромное значение для растущей роли кино в нашем мире. То, что первоначально было приносившей наслаждение активной агрессией, трансформируется в пассивное и умеренное наслаждение от созерцания проявлений агрессивности и, в свою очередь, оказывает влияние на процесс воспитания, на правила “кондиционирования” молодежи.

Но даже это перенесение проявлений агрессивности из области непосредственного действия в область созерцания сопровождается отчетливой трансформацией созерцаемого, введением в определенные рамки и гуманизацией аффектов. Тот же бокс, если сравнивать его со зрелищами подобного рода (принятыми в предшествующие эпохи), является достаточно умеренной формой ритуализации агрессивности и жестокости.

В контексте исследования агрессии стоит, на наш взгляд, обратиться к исследованиям Мишеля Фуко. Он (в отличие от Леви-Стросса, основным объектом изучения которого является материальная и духовная культура первобытного общества), начиная от работ “Психическая болезнь и личность” (1954), “Безумие и неразумие. История безумия в классический век” (1961) и заканчивая публикацией в 1977 году первого тома по истории сексуальности, проявляет интерес к проблемам, пребывающим в центре внимания З.Фрейда. Но Фуко рассматривает их с позиций истории науки. В контексте нашего исследования речь идет об осмыслении французским философом и историком науки отношений “власть — знания”, “насилие — истина” как важнейшей задаче, стоящей перед структурализмом. Фуко позитивно воспринимает психологический подход к человеку, сфокусированный на рассмотрении проблемы насилия и установления мира. В работе “Безумие и неразумие” М.Фуко отмечает, что власть функционирует как постоянно действующий и стремящийся к максимальной эффективности механизм всеобъемлющего контроля и с XVIII века она — как, в данном контексте, один из механизмов реализации агрессии культуры — изобретает принципиально новый механизм стандартизации: казармы, рабочие дома для нищих и др.

Для людей, неспособных поддающихся приведению к единому стандарту, создаются сумасшедшие дома. Если до этого единственным эффективным для власти способом избавиться от нестандартизируемых элементов были казни, то теперь найден новый, более универсальный и менее кровавый механизм. С XVIII века резко сокращается количество казней, однако войны становятся более кровавыми. Агрессия культуры сосредоточивается на внешних элементах, поскольку войну можно рассматривать и как стремление одной культуры поработить другую. Если такое порабощение, по тем или иным причинам, невозможно, чужеродные элементы уничтожа-

ются (как это видно на примере геноцида индейцев во время испанской колонизации Америки).

В понимании М.Фуко, основная задача структурализма состоит в анализе тех или иных явлений в терминах “генеалогии отношений” власти и знания, истины и насилия. И в своих работах более позднего периода он призывает к осмыслению не столько семиотических и коммуникативных структур, сколько конфликтных ситуаций, связанных с борьбой между властью (с присущими ей структуриацией и нормообразованием) и знанием в современном обществе.

Для Фуко значимым был осуществленный Фрейдом переход к анализу человека в терминах норм, правил, систем. По мнению М.Фуко, любые проявления человеческого бытия могут быть осмыслены в плане анализа содержания системы, нормы и правила. “Можно лишь догадываться, — писал Фуко, — о столь же большой значимости, которую имел бы психоанализ, если бы он сомкнулся с измерением этнологии, но не путем учреждения некой “психологии культуры”, не посредством социологического объяснения феноменов, проявляющихся в индивидах, а в открытии того, что и само бессознательное также обладает некой формальной структурой, что оно есть эта структура” [Фуко, 1976: с. 480].

Любой индивид, чужеродный по отношению к данной культуре (как представитель иной культуры или как маргинальный элемент), неизбежно сталкивается с актом агрессии на любом уровне, начиная с бытового. Самый простой из них — незнание языка или некоторых особенностей культуры, что уже создает те или иные проблемы. Но язык — это лишь один из элементов культуры. Археологи обнаруживают на смежных территориях различающиеся друг от друга типы орудий, жилищ, утвари, украшений. Значит ли это, что в различиях отразилась изолированность друг от друга носителей данных культур? Скорее всего таким образом люди внешне выражали и психологически закрепляли отношения между “мы” и “они”. Этнографии известно множество примеров таких искусственно поддерживаемых бытовых и культурных различий между соседями. Роды, племена, локальные группы всегда отличают себя от других (и других от себя) по определенному признаку. Даже для двух соседних деревень в дореволюционной России свойственно было наличие дуализма по той или иной сознательно акцентированной этнографической детали. А взаимное противопоставление между соседними областями выступало в многообразных формах, в том числе в виде взаимных шуток и насмешек [Поршнева, 1979: с. 98].

Если подойти с этой точки зрения ко всем этнографическим и археологическим данным о местных особенностях духовной и материальной культуры, то увидим, что все они представляют своего рода границы размежевания разных общностей. Трудно представить себе “мужские союзы” и “мужские дома” без их противопоставления женщинам (как и наоборот). Нельзя представить себе возрастные группы, например, совершеннолетних и несовершеннолетних, вне их взаимного обособления и четкой обрядовой границы между ними в виде инициации. Это может быть как внешним отношением (например, между двумя родами, общинами, селениями, племенами), так и внутренним членением — отношение между фракциями, союзами, компаниями, социальными слоями, кастами и т.п. [Поршнева, 1979: с. 98–99].

Если вернуться к теории Парсонса, можно говорить о легитимации общественного нормативного порядка как главном функциональном требовании во взаимоотношениях между обществом и культурой и об основании прав и запретов, в том числе (и главным образом) в области проявления агрессии. Так, для выживания и развития социальное сообщество должно поддерживать единство общей культурной ориентации, в общем разделяемой (хотя необязательно единодушно) его членами в качестве основы их социальной идентичности. Используемое здесь понятие легитимации не вполне совпадает со значением прилагательного “моральный”, а в большей степени предполагает, что “правильно” то, что делается в соответствии с институционализированным порядком. Культурные ценностные образцы обеспечивают самую непосредственную связь между социальной и культурной системами при легитимации общественного порядка.

Способ легитимации, в свою очередь, коренится в религиозных ориентациях. Каким бы ни было место той или иной системы легитимации на этой линии развития, она всегда зависима, по Т. Парсонсу, от отношений к высшей реальности. Это означает, что ее основания в некоторой степени носят религиозный характер. Изначальное противостояние “мы — они” теряет свою актуальность в контексте основных мировых религий. Религиозные формы на протяжении всей истории человечества сдерживали проявления внутривидовой агрессии и стимулировали ее в отношении чужих. Однако для христианства все люди — “мы”, в том числе и язычники, и грешники, жившие раньше, и те, что будут жить после, потому что все создано Богом.

Итак, снижение противостояния “они — мы”, отраженное в ценностных образцах культурной системы, приводит к снижению уровня агрессии в обществе, поскольку ориентирует личность на открытость, доверие, толерантность и, следовательно, понимание другого “как самого себя”. Таким образом, культурная идея толерантности и открытости способствует регуляции агрессии в процессе межличностного и межгруппового взаимодействия. В связи с этим процессы интеграции в современной Европе (и идущая параллельно с ними плюрализация различных культур и стилей жизни) подчеркивают значение общей культурной идеи открытости и толерантности как наиболее эффективных механизмов регуляции социальной агрессии.

Говоря о “взаимодействии” агрессии и современной культурной системы, необходимо учитывать особенности последней в эпоху постмодерна. Термин “постмодерн” не получил еще однозначного толкования в социальных науках, искусстве, философии, но стал “общим местом”, и употребление его достаточно произвольно. Ситуация постмодерна, с одной стороны, является общей для философии и социологии, а с другой — каждая из этих предметных областей предполагает собственную рефлексию происходящих процессов. Видимо, продуктивным было бы рассмотрение агрессии как общесоциального феномена, социально-исторического состояния, рефлексированного специфическим образом в рамках различных предметных областей [Пилипенко, Привалов, Щербина, 2000: с. 100–101].

Возникновение и развитие постмодерна выступает актуальной проблемой в развитии гуманистического знания второй половины XX века. Аналогии таких философских умонастроений можно видеть в философии Мартина Хайдеггера и Фридриха Ницше. Первый считал, что история философии со времен Античности — это история забвения Бытия, а второй — что

история философии и культуры является историей забвения древнегреческой трагедии.

Постмодерн не сводится исключительно к теоретизированию в рамках отдельных дисциплин. В качестве предмета социологического анализа его следует рассматривать как одну из составляющих процесса социальной саморефлексии нашего времени — наряду со значительными фрагментами нео- и квазирелигиозных (идеологических, таких как национализм, фашизм, либерализм, феминизм) конструктов. Если рассматривать ситуацию под данным углом зрения, можно видеть, во-первых, кризисность еще вчера удовлетворительных форм национально-критической рефлексии, а во-вторых, стремление к взаимному обогащению (диффузии) различных форм социального знания [Пилипенко, Привалов, Щербина, 2000: с. 103].

В эпоху постмодерна меняется содержание культуры. Казавшаяся когда-то прочной культурная ценностная иерархия исчезает. Бывшая “высокая культура” обретает скорее субкультурный статус. Культура дифференцируется на малозависимые или вовсе независимые друг от друга культурные стили, формы и образы жизни. Культурная индустрия, которая раньше рассматривалась как производительница непрестижной и “дешевой” массовой культуры, приобретает новую, не присущую ей ранее функцию производителя и распространителя не просто “легкой музыки”, а жизненных стилей.

Тот факт, что нормы (а тем самым типы и частота агрессивных форм поведения) задаются культурой, подтверждается зафиксированными в ряде исследований межкультурными различиями проявления агрессии [Волянская, Пилипенко, 2004: с. 91]. Особо примечательным оказывается то, что у детей, воспитывающихся в разных культурах (прежде чем они полностью освоят специфические социализирующие нормы своей культуры), тип и частота агрессии совпадают почти полностью. Об этом свидетельствуют тщательные наблюдения за поведением представителей шести различных культур (США, северной Индии, Филиппин, Японии (Окинава), Мексики и Кении). Так, если взять наиболее частые формы агрессии (к примеру, обидеть, ударить), то дети каждой культуры в возрасте от 3 до 11 лет демонстрируют в среднем по 9 агрессивных актов в час, из которых 29% составляют непосредственные ответные реакции на нападение противоположной стороны. Эта доля остается одной и той же в разных культурах и несколько изменяется лишь в зависимости от пола, составляя 33% у мальчиков и 25% у девочек. С возрастом во всех культурах происходит смена форм агрессии, частота простого физического нападения уменьшается за счет роста более “социализированных” форм, таких как оскорбление или борьба. Примечательно, что во всех культурах ровесники и младшие дети подвергаются агрессии значительно чаще, нежели старшие по возрасту. Кроме того, чем младше дети, тем скорее жертва нападения, чувствуя себя задетой, в свою очередь обратится к агрессии.

Наряду с общими для всех культур моментами, каждая из них обладает своими специфическими нормами и критериями оценок агрессивных действий, определяющими, что запрещается, что разрешается, а что и поощряется. Часть запретительных норм собрана в уголовных кодексах. Например, убийство из низменных побуждений сурово наказывается, а убийство в ходе самозащиты, напротив, может не наказываться вовсе. В отличие от запретных, разрешенные или даже положительно оцениваемые формы агрессии ко-

дифицированы слабо. Примером могут служить проявления агрессивности в определенных видах спорта или же оскорбительный оттенок определенных фраз. Кроме того, агрессия может различным образом оплачиваться. Так, А.Басс говорит о существовании в современном обществе оплаты за агрессию в виде денег, престижа и социального статуса [Buss, 1994: p. 10].

В контексте кибернетической иерархии систем действия наивысший организационный и контролирующий потенциал (которым обладает культурная система) подчеркивает актуальность идей этико-гуманистического подхода, в котором признается относительная свобода личности от среды, а также возможность социоантагонистического влияния на развитие как агрессивности, так и позитивной открытости личности.

Если подойти к определению агрессии с позиции “полезности” для личности (социальной системы), она (агрессия) имеет глубокую связь с экзистенциальными потребностями, потребностями в безопасности, которые являются потребностями в сохранении не просто жизни, но и ее качества.

Абрахам Маслоу, один из основателей гуманистической психологии, выделил пять “уровней потребностей”, которые он считал врожденными и универсальными для любого человека. По А.Маслоу, потребность в физической безопасности предполагает хорошее здоровье, отсутствие насилия над личностью и жизнью человека [Маслоу, 1982: с. 108–117]. Речь идет о потребности в уверенности в завтрашнем дне, стабильности условий жизнедеятельности, в определенном постоянстве и регулярности окружающего социума, например, в безопасности на улицах, в отсутствии конфликтов, а также избегании несправедливого обращения. Другими словами, агрессию можно определить как реакцию личности на ситуацию, которая выводит ее из состояния безопасности.

К личностным чертам (или диспозициям), детерминирующим возникновение, интенсивность и направленность агрессии, относятся такие черты, как авторитаризм, боязнь общественного неодобрения, раздражительность, тенденции усматривать враждебность в чужих действиях (предвзятость атрибуции враждебности), убежденность индивида в том, что он в любой ситуации остается хозяином своей судьбы (внешний локус контроля) и склонность испытывать чувство стыда (а не вины) во многих ситуациях [Бэрон, Ричардсон, 2000].

Поведенческие реакции индивида зависят также от его установок и внутренних стандартов. К числу наиболее важных установок, аффектирующих агрессивное поведение, относятся различные формы предрассудков. Одна и та же поведенческая реакция разными индивидами может восприниматься и как недопустимо агрессивная, и как нормальная — все зависит от системы норм и ценностей конкретного индивида. Такого рода внутренние стандарты наиболее ярко проявляются (а значит, оказывают наиболее сильное влияние на поведение) в ситуации повышенного личностного самосознания.

Повышение степени личностного самосознания подталкивает индивида к агрессии, если он считает подобное поведение допустимым и, наоборот, удерживает его от совершения агрессивных действий, если он относится к такому поведению как недопустимому. Стабильный характер, свойственный тем или иным личностным чертам, вовсе не означает неизменный: все большее число данных свидетельствует о том, что приведенные выше характеристики могут меняться по мере приобретения опыта или после прохож-

дения тренинга, специально разработанного для их изменения. Этот факт имеет важное значение для предупреждения и контроля человеческой агрессии, свидетельствуя о возможности изменения таких склонностей, а также черт, лежащих в их основе. Это лишний раз подчеркивает, что агрессия определенно не является неизбежным и неминуемым результатом человеческой природы.

Задаваясь вопросом о том, на каких ступенях лестницы (ведущей к агрессии) находятся ситуационные и личностные переменные, следует заметить, что большинство социальных психологов отдают пальму первенства ситуационным, социальным и средовым факторам. При этом они утверждают, что только при отсутствии этих факторов (или при их минимальном влиянии) на передний план действительно выходят личностные переменные.

В этом контексте важно раскрыть смысл и значение тех качеств личности, формирование которых служит фактором сдерживания агрессии. Одним из таких свойств личности выступает терпимость, являющаяся, с одной стороны, противовесом, фактором сдерживания агрессии, а с другой — антиподом агрессивности как личностной готовности к агрессии. Разделяют два вида терпимости: 1) сенсуальная терпимость личности и 2) диспозиционная терпимость личности [Реан, 1996: с. 3–18].

Сенсуальная терпимость связана с устойчивостью личности к воздействию среды, с ослаблением реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор за счет снижения чувствительности к его воздействию. Данное свойство связано также с классической толерантностью, с повышением порога чувствительности к различным воздействиям среды, в том числе воздействию субъектов межличностного взаимодействия. Образно говоря, это терпимость-черствость, терпимость-стена.

В основе диспозиционной терпимости лежит принципиально иной механизм, обеспечивающий терпимость личности при взаимодействии со средой. В данном случае речь идет о предрасположенности, готовности личности к определенной (терпимой) реакции на среду. Эта терпимость проявляется на когнитивном (социально-перцептивном), аффективном и поведенческом уровнях реагирования. Диспозиционная терпимость — это терпимость позиции, терпимость-установка, терпимость-мироощущение. Она вовсе не связана с психофизиологической толерантностью.

Важнейшее место как в гуманистической психологии, так и в экзистенциально-гуманистической философии занимает идея самотрансценденции человеческого существования. При этом феномен самотрансценденции связывают с выходом человека за пределы своего “Я”, с его направленностью на других людей, на дело, на что-то иное, нежели он сам. Идея самотрансценденции отвергает агрессию и агрессивность, поскольку в рамках данного подхода агрессия как причинение ущерба другому неминуемо ведет к разрушению самого человека. К.Роджерс и А.Маслоу подчеркивали положительную направленность важнейшего мотива жизни человека.

Речь идет о реализации потребности в самоактуализации, то есть в осуществлении своих способностей и талантов, творческих потенций, “воплощении себя”. Уровня самоактуализации (по А.Маслоу) достигают только 15% людей, обладающих высокой степенью зрелости и независимости, философским мировоззрением, критичностью в отношениях, продуктивностью во всех сферах деятельности.

Следовательно, социокультурный уровень среды, формирующей личность, определяет и уровень потребностей личности в контексте иерархии потребностей по А.Маслоу. Социокультурные изменения осуществляются при ведущей роли культуры. Регулируя межличностное взаимодействие, культурные системы прежде всего представляют собой смысловые комплексы (идеи, нормы, ценности), которые конституируют любой феномен социального, в том числе и агрессию. Процесс усвоения культурных и социальных стандартов для каждого индивида является процессом сугубо индивидуальным, что зависит как от ситуации, в которой он протекает, так и от базовых условий, связанных с адаптивными способностями организма — личности.

Именно поэтому каждая личность формирует свою неповторимую систему культурных образцов, которая необязательно будет совпадать с нормативными стандартами социальной системы. Однако чем сложнее становится социальная система, тем большее количество ролей и нормативных стандартов необходимо усвоить ее деятелям в процессе социализации. Соответственно, усложняется и дифференцируется институт социализации, пополняясь учреждениями профессиональной подготовки, связанными с обучением все новым и новым ролям. Это требует от личности развития адапционных когнитивных навыков, что связано с процессом социализации. В зависимости от уровня развития когнитивных способностей личности (а также значимости мотивации) индивид выбирает из усвоенных культурных моделей проявления агрессии ту, которая кажется ему наиболее адекватной в конкретной ситуации.

В этой связи важнейшей проблемой в рамках социологической теории представляется проблема социализации как процесса осваивания элементов культуры, в том числе легитимных способов реализации аффектов жизни, а значит и агрессивности. Один аспект этой проблемы состоит в условиях совместимости легитимных форм реализации аффектов с другими элементами культуры, которые могут быть (или уже) усвоены.

В свое время Э.Фромм говорил о сложности взаимодействия между структурой конкретной личности и структурой конкретного общества [Фромм, 1994]. Эту сложность достаточно ярко иллюстрирует и эволюция взглядов Фромма на данную проблему. Изначально Э.Фромм считал, что активный перенос совокупности биологических фактов, влечений на совокупность фактов общественных является ключевым пунктом в психоанализе. И каждое исследование в области психологии личности исходит из данного основополагающего положения. Поэтому аналитическая социальная психология может быть представлена следующим образом: структуру влечений той или иной группы нужно понимать, исходя из ее социально-экономической структуры [Fromm, 1971: p. 9–16].

Фромм подверг критике фрейдовский биологизм — пансексуализм, отверг либидозную интерпретацию эдипова комплекса, критически отнесся к Фрейдovým представлениям об антагонистическом противоречии между природностью и социальностью человеческого существа. Не признавая правомерности проведения демаркационной линии между “природной” и “духовной” сферами человека (как это имеет место у Фрейда), он считает необходимым обратиться к традициям гуманистической этики прошлого, рассматривающей человека в его целостности и открывающей источники норм для этического поведения в природе самого человеческого существа. Отсюда

цель фроммовского “гуманистического” психоанализа — способствовать саморазвитию внутренних потенций человека в направлении жизнненности и продуктивности. А это предполагает усвоение ценностей внутренней природы и овладение “искусством жизни” [Лейбин, 1990: с. 383–385].

Агрессия в процессе развития морально-этических норм человеческой цивилизации должна из деструктивных пороков сублимироваться в положительное качество, направленное по конструктивному руслу созидания. Это прежде всего должно проявляться в развитии чувств, противоположных злу, — любви, добра, взаимопомощи. Развивая психоаналитическую характерологию, Фромм выводит определенные структуры личности из неудовлетворенности влечений на различных фазах полового развития. С этим связывается все более сильная ориентация на общество, то есть попытка выявить его положительные функции в развитии индивида.

Следует сказать, что первое явление — мышление психологического учения З.Фрейда о человеке — довольно часто встречается в современной психологии, психиатрии и философии жизни. Новые учения появляются, как правило, на стыке различных областей знания, в результате “переплетения” концептуальных построений научного и философского характера. Типичным примером может служить “логотерапия” Виктора Франкла, профессора Венского университета, всемирно известного специалиста по вопросам психологии личности и психотерапии. Исходя из идей экзистенциальной философии, В.Франкл считает, что основными мотивами поведения (и человеческой деятельности вообще) служат не инстинктивные влечения сексуального характера (как это трактовалось в психоанализе З.Фрейда), а стремление человека к поиску смысла жизни.

В.Франкл стремится модернизировать психоаналитическое учение Фрейда о человеке, привнося в него экзистенциальное представление о человеческой реальности. Логотерапия расходится с психоанализом в том, что она рассматривает человека как существо, чья основная миссия состоит в реализации смысла и актуализации ценностей, а не в простом удовлетворении влечений и инстинктов. По мнению Франкла, психология рассматривает человека как замкнутую систему (в которой разыгрываются динамические взаимодействия), а не как существо, стремящееся к смыслу, венчающему его существование.

При этом трудности возникают и с понятием агрессия, будь то биологическое понятие в духе Конрада Лоренца, или психологическое — в духе Зигмунда Фрейда. Эти понятия неадекватны, поскольку игнорируют интенциональность как присущий человеку феномен. В действительности в душе нет такой вещи, как агрессия, которая ищет выход и вынуждает человека искать для нее объекты. Ненавидеть что-то, по мнению Франкла, более осмысленно, чем ненавидеть кого-то, потому что можно помочь ему преодолеть то, что в нем ненавидят. Его можно даже любить, несмотря на то, что в нем что-то ненавидят. Ненависть, так же как и любовь, — человеческий феномен в отличие от агрессии; они человечны, потому что интенциональны. В противоположность этому агрессия зависит от причин, которые могут иметь психологическую или физиологическую природу [Франкл, 1990: с. 326].

На человеческом уровне агрессивные импульсы в человеке всегда существуют как нечто, по отношению к чему он занимает (должен занять) определенную позицию, отождествляет он себя с ними или отделяет себя от

них. В этом случае значимость приобретает личное отношение к безличным агрессивным импульсам, а не сами эти импульсы. Агрессивные импульсы, по сути, превращаются в алиби, оправдание агрессии. Собственно, “человек не перестает ненавидеть, пока его учат, что независимость создается импульсами и механизмами. Но это он сам ненавидит. Что еще более важно, понятие “агрессивного потенциала” заставляет людей верить, что агрессия может быть канализована. Фактически же бихевиоральные исследования группы Конрада Лоренца показали, что попытки отвлечь агрессию на мало-важные объекты и отреагировать на нее безопасными действиями лишь провоцируют и обычно усиливают ее” [Франкл, 1990: с. 327].

По образному выражению В. Франкла, разница между агрессией и ненавистью похожа на разницу между сексом и любовью. Человека влечет к партнеру сексуальное побуждение. На человеческом же уровне он любит партнера, имея для этого множество оснований. В отличие от классического психоанализа, усматривающего причину возникновения неврозов в конфликтах между сексуальными влечениями и культурными ограничениями, между бессознательным и сознательным, “логотерапия” рассматривает неврозы как результат столкновения различных ценностей жизни. Согласно Франклу, эти неврозы, называемые им “нусогенными”, то есть носящими духовный, смыслозначимый характер, имеют своей причиной не психический, а смысловой пласт человеческого существования. Основной пафос и новизна подхода Франкла связаны с ценностями отношения. Обоснование же значимости логотерапии как психотерапии нашего времени зиждется на анализе современной социокультурной ситуации. Основные реалии нашей жизни, по В. Франклу, — проблемы любви, страдания, жизни и смерти. В рамках последних находит свою “нишу” и агрессия.

В современных условиях развития украинского общества все большую силу приобретает положение об амбивалентности социокультурной детерминации поведения личности. Это проявляется в разнообразии социокультурного поля, дающего возможность личности выступать не только в качестве объекта социализации, но и в роли ее субъекта. В связи с этим можно говорить о том, что современный человек в большей степени (нежели его предшественники), сам “создает” себя и сам себя контролирует. Однако, несмотря на этот заметный прорыв в отношении самоактуализации индивида, анализ процесса формирования агрессивного поведения в значительной степени указывает на приоритетную роль в нем институтов первичной и вторичной социализации. К тому же современная социокультурная ситуация в Украине мешает успешному развитию идентификационных процессов.

Формирование просоциального, неагрессивного поведения личности связано не только с механизмом отсутствия подкрепления или активного наказания. Оно обязательно (и, может быть, даже в первую очередь) связано с активным социальным научением неагрессивным формам поведения, конструктивным способам разрешения противоречий и реализации различных мотиваций личности. Ведь наиболее выраженные различия между агрессивными и неагрессивными детьми обнаруживаются не в личностном предпочтении агрессивных альтернатив, а в незнании конструктивных решений.

Таким образом, процесс социализации в направлении неагрессивного поведения включает приобретение системы знаний и социальных навыков, а также “воспитание” системы личностных диспозиций и установок, на

основе которых формируется способность реагировать на фрустрацию относительно приемлемым образом.

Учитывая огромную роль социокультурной детерминации агрессивного поведения, стратегия мер, направленных на регулирование и снижение деструктивных форм поведения, должна опираться, с одной стороны, на знание мотивов целерациональной агрессии, в основе которой лежит защита интересов личности, а с другой — на знание механизмов закрепления ценностно-рациональной агрессии в человеческой культуре. Для этого важно внедрить в культуру, в повседневный образ жизни современного человека, в практику жизнедеятельности современного общества и государства гуманитарный потенциал универсальных общечеловеческих ценностей, расставив акценты над ценностными приоритетами.

В условиях глобализации накопленный цивилизацией гуманитарный потенциал универсальных общечеловеческих ценностей (трансформированных с учетом национальных культур в высокоэффективные технологии) способен превратить ненасилие в повседневный образ жизни современного человека, в практику жизнедеятельности современного общества и государства.

Исходя из этого возрастает значимость идей этико-гуманистического подхода, в котором признается относительная свобода личности от среды, а также возможность социоантагонистического влияния на развитие как агрессивности, так и позитивной открытости личности. Понимание этой возможности должно вести к формированию этической (в том числе и этико-христианской) системы ценностей и принципов жизни, к построению этико-гуманистической системы воспитания и развития личности, к формированию идеи помогающих отношений и эмпативного понимания, к утверждению самотрансценденции человеческого существования.

Источники

Бутковская М.Л. Современная этология и мифы о нарушении баланса агрессии-торможения у человека / М.Л.Бутковская // *Общественные науки и современность*. — 1999. — № 4. — С. 129–135.

Волянская Е. Социокультурная детерминация подростковой агрессии / Е. Волянская, В. Пилипенко, Е. Сапелкина. — К. : Фолиант, 2004. — 174 с.

Громов И.А. Западная социология / А.А. Громов, А.Ю. Мацкевич, В.А. Семёнов. — СПб. : Ольга, 1997. — 372 с.

Ионин Л.Г. Культура и социальная структура / Л.Г.Ионин // *Социологические исследования*. — 1996. — № 3. — С. 78–89.

Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглехарт // *Полис*. — 1997. — № 4. — С. 6–32.

Лейбин В.М. Психоанализ и философия неофрейдизма / Лейбин В.М. — М. : Политиздат, 1977. — 246 с.

Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия / Лейбин В. — М. : Изд-во полит. литературы, 1990. — 396 с.

Лоренц К. Агрессия (так называемое “зло”) / Лоренц К. — М. : Прогресс, 1994. — 272 с.

Маслоу А. Самоактуализация / А. Маслоу // *Психология личности*. — М. : Наука, 1982. — С. 108–117.

- Молодёжь Украины: ожидания, ориентации, поведения / под ред. В.Е. Пилипенко. — К. : Наук. думка, 1993. — 160 с.
- Паренс Г.* Агрессия наших детей / Паренс Г. ; пер. с англ. — М. : Форум, 1997. — 160 с.
- Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. — М. : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. — С. 462–478.
- Парсонс Т.* Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. — М. : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. — С. 478–494.
- Пилипенко В.* Субъективный компонент в социологическом познании / В. Пилипенко, Ю. Привалов, В. Щербина. — К. : Стило, 2000. — 129 с.
- Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история / Поршнев Б.Ф. — М. : Наука, 1979. — 231 с.
- Реан А.А.* Агрессия в структуре поведения возбудимой и демонстративной личности / А.А. Реан // Ананьевские чтения – 97. — СПб., 1997. — С. 13–16.
- Реан А.А.* Агрессия и агрессивность личности / А.А. Реан // Психологический журнал. — 1996. — № 5. — С. 3–18.
- Реан А.А.* Аутоагрессивный паттерн личности / А.А. Реан // Ананьевские чтения – 98. — СПб., 1998. — С. 52–54.
- Рущенко І.П.* Соціологія злочинності / І.П. Рущенко // Спеціальні та галузеві соціології : навч. посіб. / за ред. В.Є. Пилипенка. — К. : Каравела, 2003. — С. 220–256.
- Франкл В.* Человек в поиске смысла / Франкл В. — М. : Прогресс, 1990. — 396 с.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Фромм Э. — М. : Наука, 1994. — 447 с.
- Фромм Э.* Здоровое общество / Э. Фромм // Психоанализ и культура: Избранные труды К. Хорни и Э. Фромма. — М. : Наука, 1995. — С. 283–291.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Фуко М. — М. : Наука, 1976. — 540 с.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность / Хекхаузен Х. — М. : Наука, 1986. — Т. 1. — С. 365–405.
- Человек и агрессия. “Круглый стол” учёных // Общественные науки и современность. — 1993. — № 2. — С. 92–106.
- Шебанов С.П.* Психокорекція агресивної поведінки / С.П.Шебанов // Педагогіка і психологія. — 1999. — № 3. — С. 15–23.
- Шипунова Т.В.* Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности / Т.В. Шипунова // Социологические исследования. — 2002. — № 5. — С. 67–76.
- Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т.1 : Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Элиас Н. — М. ; СПб. : Университет. книга, 2001. — 332 с.
- Bandura A.* Psychology Mechanisms of Aggression / A. Bandura // Aggression: Theoretical and Methodological Issues. — Vol. 1. — P. 1–40.
- Bandura A.* Aggression: A social learning analysis / Bandura A. — N.Y., 1973. — 258 p.
- Buss A.* Aggression Pays / A. Buss // Singer J.L. Ed. The Control of Aggression and Violence. — N.Y., 1994. — P. 3–18.
- Fromm E.* Analytische Sozialpsychologie und Gesellschaftstheorie / Fromm E. — Frankfurt/M, 1971. — 310 s.
- Maslou A.H.* Motivation and Personaliti / Maslou A.H. — N.Y., 1954. — 453 p.